

В. А. Мазиллов, Ю. Н. Слепко

Ноэма: мысль и психология

В статье обсуждается проблема, поднятая в работах В. Д. Шадрикова. Обоснована актуальность и теоретическая значимость данной проблемы для решения вопросов, стоящих перед современной психологической наукой. Прослеживается динамика интереса психологического сообщества к исследованию феномена мысли. Обсуждаются проблемы порождения мысли. Ставится дискуссионный вопрос об исследовании гетерогенности мысли в творчестве: выделяются по крайней мере два типа философии – поэтическая и сочиняющая. Очевидно, что роль и генезис мысли в этих сферах существенно различны. Ставится на обсуждение вопрос о связи мысли и заблуждения – необходимой составляющей процесса «большого творчества».

Ключевые слова: мысль, мышление, образ, В. Д. Шадриков, творчество, опыт, заблуждение, поэзия.

V. A. Mazilov, Ju. N. Slepko

Noema: Thought and Psychology

The article discusses the issues raised in the articles of V. D. Shadrikov. The urgency and theoretical significance of the problem to solve the issues facing the modern psychological science are proved. The dynamics of interest in the psychological community to study the phenomenon of thought is traced. The problems of the generation of ideas are discussed. We pose the question of the discussion about the study of heterogeneity of ideas in the works: two types of philosophy are allocated at least – poetic and composing. It is obvious that the role and the genesis of the thought in these areas are significantly different. The question is raised to be discussed about the relation of the thought and misbelief and it is a necessary component of the process of «great creativity».

Keywords: thought, thinking, image, V. D. Shadrikov, creativity, experience, misbelief, poetry.

Я слово позабыл, что я хотел сказать,
И мысль бесплотная в чертог теней вернется.

О. Э. Мандельштам

Мы мыслим не словами, а тенями слов.

В. В. Набоков

Cogito, ergo sum.

Cartesius

В последнее время В. Д. Шадриковым опубликован ряд работ, посвященных проблеме мысли [24, 25, 26]. Мысли, высказанные в этих работах, как и свойственно настоящим мыслям, пробуждают их у других и побуждают высказаться. Прежде всего отметим, что проблема, которой посвятил свои тексты В. Д. Шадриков, чрезвычайно актуальна. При этом, заметим, она является без преувеличения вечной. Существует мнение, что именно наличие возможности мыслить делает человека человеком. Поэтому не удивительно, что во все времена человек задумывался над феноменом мысли. Еще Аристотель увидел в мысли ее важнейшие характеристики, которые впоследствии отмечались многими авторами: «мысль связывает или отделяет либо суть вещи, либо качество, либо количество, либо еще что-либо подобное» [1, с. 186]. По-древнегречески

Ноэма, очень красивое слово, означает ‘мысль’. Именно так ее именует Аристотель. В другом месте он проникательно замечает: «Мыслить – это во власти самого мыслящего, когда бы оно ни захотело помыслить; ощущение же не во власти ощущающего, ибо необходимо, чтобы было налицо ощущаемое» [1, с. 407]. Обращение к вечным темам – предприятие весьма рискованное. Как проникательно заметил В. П. Зинченко в авторском предисловии к фундаментальному труду «Сознание и творческий акт», это «книга, посвященная двум тайнам – сознанию и творчеству, которые вместе, возможно, составляют общую или единую тайну» [5, с. 11]. В связи с чем автор предупреждает: «Не буду вводить в заблуждение: по прочтении книги тайна таковой и останется, разве что со следами авторских прикосновений. Не все из них носят мои отпечатки. Есть и другие, принадлежащие заслуженным собеседникам» [5, с. 11]. И как совет читателям: «...тайну надо полюбить, тогда она, возможно, поближе подпустит к себе. Однако не надо обольщаться, ибо ничто не вечно под луной, кроме вечных проблем бытия и сознания» [5, с. 11]. Отметим, что в данном случае риск оказался

полностью оправдан: следов авторских прикосновений В. Д. Шадрикова столько и, главное, они настолько значимы, что способны направить развитие психологической науки в данной предметной области по «шадриковскому» вектору, что, заметим, случается совсем нечасто.

Но мы немного отвлеклись... Удивляет устойчивая динамика, напоминающая колебания внимания: проблема мысли то выходит на первый план, то на время уходит из поля зрения. Особенно это касается психологии. Мысль, как известно, является предметом исследования целого ряда наук. Такая динамика наблюдалась в прошлом, присутствует она и в современной психологии. Покажем это на примере.

В 1862 г. публикуется ставшая впоследствии классической работа А. А. Потебни «Мысль и язык». Проходит три десятилетия, в 1892 г. выходит второе издание. В предисловии читаем: «Сочинение “Мысль и язык”... в настоящее время сделалось большой библиографической редкостью и даже совсем почти позабыто» [3, с. V]. Автор предисловия отмечает, что взглядов, выраженных в «Мысли и языке», А. А. Потебня держался до конца своей жизни и в окончательном незадолго до смерти третьем томе «Записок по русской грамматике», «разбирая воззрения, изложенные в новейшей книге Макса Мюллера “Das Denken im Lichte der Sprache” (1887), он противопоставляет им свои давнишние взгляды на отношение элементов слова к понятиям и представлениям, и вообще грамматики к философии» [3, с. VI].

Обратим внимание еще на один момент: «Коснувшись сочинения Макса Мюллера, появившегося недавно и в русском переводе под заглавием “Наука о мысли”, кстати, заметим, что некоторые из весьма важных научных положений, выработка которых тут приписывается новейшим западноевропейским ученым (Нуаре), давно развиты А. А. Потебней в переиздаваемой теперь его ранней работе, аналогичной по содержанию с новой книгой английского лингвиста» [3, с. VI].

Теперь откроем книгу М. Мюллера. Он пишет, что это отчет о длинном пути, пройденном с друзьями: «...от времени до времени мы обменивались мыслями. Мы соглашались в одних пунктах и расходились в других; и так как мы скоро дойдем до конца нашего путешествия, то я пожелаю составить отчет о том, что получилось из многолетнего общего труда мысли и дружеских бесед» [18, с. VI]. Обратим внимание на следующее:

«Предметы, о которых в ней трактуется, не возбуждают теперь общественной симпатии ни в Англии, ни на континенте. Бывает время для философских, как для политических и социальных вопросов. Подобно тому, как счастливый государственный человек должен не спускать глаз со сферы практической политики, подобно тому, как реформатор должен управлять парусом так, чтобы воспользоваться ветром, дуящим в известном направлении, так писатель, желающий выпустить популярную и обращающую на себя внимание книгу, не должен выбирать предмета, который уже вышел из моды и, по-видимому, еще не скоро взойдет на горизонт» [18, с. V].

Итак, циклические колебания внимания к проблеме мысли налицо. Поскольку настоящая статья не представляет собой сочинения по истории психологии, в ее рамках нет возможности рассматривать эти колебания. Хотя никак нельзя пройти мимо открытия феномена безобразной мысли в Вюрцбургской школе (и практически одновременно с ними Альфредом Бине). Они утверждали, что, когда человек мыслит, к примеру, отношения, мысль его лишена всякого сенсорного содержания, то есть, иными словами, обнаружена «чистая» мысль. Не останавливаясь на предыстории вопроса, вспомним лишь, что на 20-е гг. XX столетия пришелся очередной пик увлечения изучением мысли – и Выготский, и Пиаже о мысли писали много, анализировали происхождение и структуру мысли. Затем последовало очередное колебание (или перемещение маятника) – про мысль на время забыли. Вот здесь, пожалуй, стоит остановиться чуть подробнее. Интересно, почему в тезаурусе современной психологии (это преимущественно когнитивная психология) термин «мысль» явно не значится. В. Д. Шадриков, несомненно, прав, когда утверждает, что самонадеянный призыв современных когнитивистов пока преждевременен: хочется «высказать свое отношение к так называемой «компьютерной метафоре», а вместе с этим дать ответ представителям «новой» психологии, которые без ложной скромности утверждают, что, «несмотря на огромный вклад в развитие психологии ее основоположников, труды их представляют в большей степени исторический интерес. Воздадим им должное» [6]. С данными «почетными похоронами» вряд ли можно согласиться. Скорее, можно сожалеть о том, что представители «модных» направлений ушли от традиционно-го предмета психологии» [25, с. 120]. К когнитивной психологии и к компьютерной метафоре

мы еще вернемся в рамках настоящей статьи.

Итак, почему в когнитивной психологии исчез термин «мысль»? По этому поводу следует высказать некоторые соображения.

В начале XX столетия происходило интенсивное разграничение психологии и логики в анализе процесса мышления. Мысль ассоциировалась с суждением, поэтому психологи, возможно, старались дистанцироваться от логического аспекта и воздерживались от употребления этого термина [12–14]. Но главное все-таки другое. Несомненным лидером в исследовании мышления становится гештальтпсихология [9–11; 17]. В гештальтпсихологии, как известно, используется феноменологический метод, решение задачи рассматривается как результат переструктурирования ситуации в оптическом поле. Таким образом, во всяком случае изначально, мышление рассматривалось как изменение видения ситуации, осуществляющееся посредством инсайта. Поскольку мышление совершается в феноменальном поле, термин «мысль» не использовался в качестве значимого. Мысль предполагает наличие субъекта мышления, а пафос гештальтпсихологии как раз и заключался в элиминировании субъекта за счет слияния субъекта и объекта в феноменальном поле. В результате создалась та ситуация, которая, в принципе, сохраняется до настоящего времени. Термин «мысль» неявно считается принадлежащим лексикону исследователей сознания. Когнитивная психология в этом отношении является наследницей гештальтпсихологии («по прямой»). Про снисходительную самоуверенность мы уже писали. Завершая этот краткий экскурс, заметим, что отмеченная позиция, на наш взгляд, недостаточно учитывает фактор развития науки. Иными словами, времена меняются.

Сейчас – и в этом несомненная заслуга В. Д. Шадрикова – благодаря его публикациям вновь привлечено внимание к исследованию мысли, стимулирован исследовательский интерес и получены новые научные результаты. Колебания интереса к проблеме мысли в психологии были и остаются. Согласно частотному словарю по корпусу публикаций журнала «Вопросы психологии» за 1980–2010 гг. (<http://www.voppsy.ru/chast.htm>):

- в 1980–1989 гг. термин «мысль» занимал 130 место (290 упоминаний);
- в 1980–1989 гг. термин «мышление» занимал 17 место (1477);
- в 1990–1999 гг. термин «мысль» занимал 98 место (400);

- в 1990–1999 гг. термин «мышление» занимал 15 место (1380);
- в 2000–2010 гг. термин «мысль» занимал 84 место (496);
- в 2000–2010 гг. термин «мышление» занимал 23 место (1102).

Обратимся к интересной и глубокой статье М. С. Роговина [23]. Хотя работа написана 45 лет тому назад, она не утратила ни своей актуальности, ни значимости. М. С. Роговин отмечает, что те работы, которые касались вопросов мысли в начале прошлого века, были ограничены уровнем развития науки: «По сравнению с этим периодом те сведения, которыми располагает современная психология, настолько обильны и разнородны, что позволяют проводить их обобщение в самых различных планах» [23, с. 45].

Обратим внимание на тот факт, что Роговин обращается к данным нейронаук (если использовать современную терминологию). Какие исследования в области нейронаук выделяет автор как наиболее значимые для понимания механизмов мысли? Согласно Роговину, это, во-первых, понятие механизма, разработанное А. А. Ухтомским и развитое Н. А. Бернштейном: движение человека есть «сложная многоуровневая постройка, возглавляемая ведущим уровнем, адекватным смысловой структуре двигательного акта», причем степень осознаваемости и степень произвольности растут с переходом по уровням снизу вверх. Во-вторых, это понятие «уровней действия» (а следовательно, и уровней психического регулирования). Идея эта, как поясняет Роговин, впервые реализуется в работах Х. Джексона, а затем у Т. Рибо, П. Жане и др. В-третьих, «положение о том, что структура того или иного психологического механизма раскрывается прежде всего при генетическом подходе и в результате изучения психологической патологии».

«Исходя из этих идей, мы получаем возможность анализировать на основе имеющейся модели двигательного акта взаимоотношение чувственно-образных и мыслительных компонентов познания в плане выявления того, что выступает в качестве средства (психологического механизма) при решении той или иной познавательной задачи, устанавливая иерархизированную структуру отдельных познавательных актов с функциональным подчинением низших компонентов высшим» [23, с. 46]. Не будем подробно останавливаться на основных положениях этой глубокой работы, отметим лишь некоторые моменты. Для анализа

проблемы мысли, согласно Роговину, необходим уровневый подход. М. С. Роговин отмечает, что «создается возможность ответить на вопрос о том, какое же отношение устанавливается между «низшими» (чувственными) и «высшими» (мыслительными) уровнями внутри каждого познавательного акта. По-видимому, наиболее общим отношением такого рода следует считать отношение предвосхищения – антиципации, являющееся, как полагал Н. А. Бернштейн, «обязательной предпосылкой двигательного акта» [23, с. 53]. Обратим внимание на глубокое замечание, крайне важное для адекватного понимания феномена мысли: «механизмы мыслительного отражения, связанные прежде всего с формированием отрицания как специфической познавательной структуры, пока еще могут быть намечены на основе в большей степени историко-философских, а не экспериментально-психологических данных» [23, с. 55]. Заметим, что в 1980-е гг. М. С. Роговиным в соавторстве с П. С. Желеско было проведено специальное экспериментальное исследование, направленное на изучение роли отрицания в познании. Оно осталось практически незамеченным, хотя, на наш взгляд, оно содержит большой потенциал для продвижения в исследовании механизмов мысли [4].

Ушедший XX в. характеризовался тем, что на всем его протяжении активно разрабатывались различные теории и модели интеллекта. Соответственно, создавались инструменты для измерения интеллекта. И теорий и тестов представлено очень много. Десятками исчисляется сегодня количество определений, причем, как чаще всего и бывает в психологии, исследователи расходятся во мнениях относительно интеллекта. В качестве сути интеллекта указывают и на способности к абстрактному мышлению, и на способность приспосабливаться к новым ситуациям, и на способности приобретать новые знания и умения. Знаменитое определение интеллекта, данное некогда Эдвином Борингом, согласно которому интеллектом называется то, что измеряется тестами интеллекта, казавшееся раньше изящной шуткой, ныне многими считается вполне работающим. Кроме общего интеллекта, выделены и активно исследуются эмоциональный интеллект и интеллект социальный. К. Станович настаивает на том, что традиционные тесты интеллекта не измеряют крайне существенного в общих способностях (и это вовсе не эмоциональный и социальный интеллект, как можно было бы подумать), а именно рациональное мышление и рациональное дей-

ствие: «Основой рационального мышления и рационального действия являются навыки вынесения суждений и принятия решений, а в IQ-тестах соответствующие задания отсутствуют» [19, с. XIV]. Более того, этот автор вводит понятие «дисрационализма»: «Дисрационализм – это неспособность демонстрировать рациональное мышление и поведение при наличии адекватного уровня интеллекта. Это общий термин, объединяющий группу гетерогенных расстройств, симптомами которых являются серьезные затруднения в формировании убеждений, оценке состоятельности убеждений и/или в выявлении способа достижения цели... Основным диагностическим критерием дисрационализма является уровень рациональности, демонстрируемый в мышлении и поведении и являющийся значительно сниженным по сравнению с интеллектуальными способностями индивида (оцениваемыми в соответствии с результатами индивидуального

IQ-теста)» [19, с. 22]. Таким образом, мы видим, что в данном случае акцентируется очевидность ограниченной трактовки интеллекта в современной психологии. На этот момент обратим пристальное внимание, так как к нему в рамках настоящей статьи еще предстоит вернуться.

Известный специалист Р. Стернберг предлагает расширить традиционное понятие интеллекта, включив в него практический интеллект, творческий интеллект и мудрость [30; 31; 32]. Можно добавить, что некоторые специалисты вообще высказывают сомнения в существовании интеллекта как психологической реальности.

Стоит сделать еще одно замечание. Множество различных толкований интеллекта прекрасно уживается с тем, что разработанные интеллектуальные тесты активно и успешно используются для решения различных задач. Как отмечают специалисты, это происходит потому, что тесты обычно разрабатывались «под определенные задачи». Не вступая в дискуссии, можно сделать вывод о том, что к проблеме интеллекта в современной психологии представлены существенно различные подходы. То же можно сказать и об одаренности.

В отечественной психологии наиболее разработанным и перспективным подходом к проблеме способностей и одаренности является предложенный В. Д. Шадриковым, согласно которому, качественно-своеобразное сочетание способностей, рассматриваемых как свойства функциональных систем, реализующих отдельные психи-

ческие функции, дает нам *природную одаренность* индивида. Если же мы будем рассматривать качественно-своеобразное сочетание способностей субъекта деятельности, то мы получим представление об одаренности *субъекта деятельности*. Наконец, качественно-своеобразное сочетание способностей личности дает нам *одаренность личности* [27]. Таким образом, одаренность рассматривается как уровневое образование.

На всех трех уровнях одаренность (теоретически) выступает как интегральное проявление способностей в целях конкретной деятельности, как системное качество. Как и способности, одаренность имеет индивидуальную меру выраженности, определяемую как способностями (с их мерой выраженности), входящими в одаренность, так и взаимодействием способностей, их связями) [27, 28].

Авторским коллективом под руководством В. Д. Шадрикова составлен сборник методик, позволяющих производить диагностику познавательных способностей [29].

Выше мы подчеркивали, что подход В. Д. Шадрикова является перспективным. Поясним это. В настоящей статье мы отмечали, что традиционные подходы к трактовке интеллекта подвергаются обоснованной критике. В частности, достаточно серьезными представляются аргументы, сформулированные в цитированной книге К. Становича [19].

Отметим, что, на наш взгляд, перспективы подхода связаны в первую с тем, какой научный потенциал авторская концепция имеет. Перспективы подхода мы видим в том, что концепции способностей и одаренности у В. Д. Шадрикова встроены в глобальную теорию внутреннего мира человека [27, 28, 29]. Отметим, что (в отличие от практически всех моделей интеллекта) в мета-теории внутреннего мира человека появляется возможность сопряжения интеллекта и мысли. Категория «мысль» занимает принципиально важное место в архитектонике внутреннего мира. В этом сопряжении мы видим возможность осуществления осязаемого прогресса в проблеме дальнейшего развития теорий интеллекта и одаренности.

Вернемся к работам В. Д. Шадрикова. Стоит кратко напомнить читателю содержание и ключевые идеи В. Д. Шадрикова. Прежде всего, необходимость разработки проблемы мысли в современной психологии объясняется автором тем, что за длительное время развития психоло-

гии проблематика понимания сущности мысли постепенно уходила из психологии. При этом одним из наиболее ярких проявлений этого стало изучение мышления в отрыве от понимания мысли. В связи с этим в статье автор призывает к необходимости возвращения термина «мысль» в число базовых категорий современной психологии.

Основой для разработки идей, ставших предметом исследования в настоящей работе, стал ряд методологических принципов, среди которых В. Д. Шадриков выделил прежде всего принцип психофизического единства в понимании С. Л. Рубинштейна, принцип единства деятельности и сознания, а также принцип единства знания и переживания. Реализуя эти принципы, автор и задается вопросом о сущности мысли и ее порождении.

В первую очередь ставится вопрос о ведущей функции мысли в психической жизни человека. Основой для ее понимания является представление о функциональном характере психики, обеспечивающей человека знанием об окружающем мире и позволяющем человеку в нем адаптироваться. Соответственно, автор формулирует идею о том, что мысль необходима для формирования образов предметов внешнего мира и их признаков.

Достаточно большое внимание автор уделяет вопросу о нейрофизиологических основах порождения мысли, которые исследуются с позиций принципа психофизического единства. Современные наработки в области нейропсихологии дают, по мнению автора, возможность обратиться к изучению нейропсихологических механизмов порождения образа и выделения его признаков. Так, анализируя исследования К. Прибрамом перцептивных процессов, автор приходит к заключению, что сутью познавательных процессов является отношение мыслей, позволяющее соединять признаки и образы.

Помимо этого, автор достаточно подробно рассматривает результаты исследований структурно-функциональной организации мозга Н. П. Бехтерева. Здесь с новых позиций решается проблема установления соответствия структурно-функциональных единиц мозга отдельным психическим функциями, состояниями, сознательной, мыслительной деятельности. При этом важным, по мнению автора, является констатация нейропсихологами наличия важнейшего противоречия, между, с одной стороны, их приближением к полной *расшифровке* мозгового кода

обеспечения мыслительных процессов, с другой – необходимостью понимания *идеального* как того, что лежит за пределами материальной основы психических процессов. Анализируя эти и другие исследования, автор убежден, что в основе проблемы соотношения материального и идеального в жизнедеятельности человека лежит необходимость определения исходной единицы анализа, в качестве которой и определяется *мысль* человека.

Далее мы знакомимся с идеями автора о содержательной характеристике мысли. Так, мысль помимо выполнения функции отражения отношения вещи к ее признакам, наделена определенным содержанием, выраженным через значение воспринимаемого признака для деятельности субъекта. При этом мысль отражает субъективно значимый характер образов, предметов, явлений, их признаков для человека. Появляющаяся мотивация в отношении этих объектов сопровождается эмоциями. Таким образом, при соединении потребностей со свойствами предметов внешнего мира мысль сопровождается переживанием.

Проведенный автором анализ содержательной стороны мысли позволил выделить три компонента в ее структуре – содержание, потребность и переживание. Такое представление о структуре мысли дало возможность автору определить ее как *потребностно-эмоционально-содержательную* субстанцию.

Важным моментом в понимании мысли именно как психологической категории является придание ей самостоятельного характера в сравнении с информацией, к которой мысль сводиться не должна. Здесь автор развивает идею о том, что, так как мысль, помимо информации, несет в себе мотивацию и эмоции субъекта, она имеет для него определенный смысл. Внешний мир представлен в содержании психики в виде смысловой модели, многообразие которых составляет содержание индивидуальной психики и осознаваемой ее части – сознания. Соответственно, мысли отличается от информации тем, что последняя характеризуется лишь содержанием, и не включает мотивационную и эмоциональную составляющие.

Важнейшим моментом в концепции В. Д. Шадрикова является вопрос о порождении мысли. Этот вопрос носит с точки зрения автора фундаментальный характер. Исходя из данного ранее определения мысли как потребностно-эмоционально-содержательной субстанции, автор рассматривает желания и переживания в ка-

честве источника рождения мысли. От начала момента порождения до реализации в деятельности мысль проходит три стадии: «1) мотив (потребность) вначале выступает как хотение, которое может не осознаваться или осознаваться; 2) хотение в определенных условиях переходит в желание, которое опредмечивается и выражается в мысли о предмете желания; 3) мысль-желание реализуется через мысль-действие» [25, с. 124].

Как можно видеть, в работах В. Д. Шадрикова поднимается, обсуждается и дается решение многих вопросов, актуальных для сегодняшней психологической теории мышления и мысли. Особенно важно, на наш взгляд, то, что автор отводит особую роль категории мысли в функционировании внутреннего мира человека. Выделяя в структуре мысли компоненты содержания, потребности и переживания, автор предлагает отличать мысль от типичной информации, которой мы оперируем в повседневной психической жизни. Согласно В. Д. Шадрикову, именно в этой структуре мысли, а следовательно, и образа, и заключаются ее уникальные свойства, проявляющиеся в том, что человек мыслит мыслями. Мысль представляет собой потребностно-эмоционально-содержательную субстанцию. И таковой она входит в содержание внутреннего мира человека. В таком виде она и сохраняется в памяти человека: связанной с предметами внешнего мира и их свойствами, потребностями человека и его переживаниями. Таким образом, автор предлагает не просто вернуть понятие *мысль* в категориальный и понятийный перечень психологической науки, но и рассматривать мысль как одну из важнейших единиц анализа мира внутренней жизни человека. При этом в проводимом анализе нет противоречия между понятиями *мысль*, *мышление* и *сознание*, скорее, наоборот. Восстановление в правах категории мысли позволяет расширить понимание сознания и мышления как ведущих проблем современной психологии. Очень сильный момент, на наш взгляд, состоит в придании мысли онтологического статуса (идея субстанциональности). В перспективе возможно движение в направлении В. И. Вернадского – мысль как планетарное явление.

Отметим, что не все положения, содержащиеся в статье, представляются бесспорными. Предметом для обсуждения, в частности, может служить вопрос о стадиях перехода от желания к мысли. В отношении взрослого человека такой механизм «порождения», несомненно, может

быть реализован. Но как обстоит дело не с «порождением», а с «рождением» мысли в раннем возрасте, когда мышление, принятие решения и прочие обеспечивающие процессы еще только развиваются? Вероятно, дальнейшие исследования позволят уточнить и этот момент.

В. Н. Дружинин и Д. В. Ушаков писали в 2002 г.: «Словосочетание “когнитивная психология” имеет еще один смысл: оно обозначает подход, который, возникнув около 40 лет назад в США и Великобритании, произвел в психологии этих стран подлинную революцию и определил лицо современной психологической науки. Основная черта когнитивного подхода – механизмы переработки знания рассматриваются как центральное звено психики человека. Этот подход – дитя информационной эпохи человечества. Он понимает человеческую психику как центр сферы кругооборота информации. Компьютеры, интернет, массовая информация – все эти феномены в рамках когнитивной психологии ставятся в один круг понятий с человеческой психикой. Когнитивный подход означает привнесение в психологию точности. Он привел к развитию математических методов и компьютерного моделирования. Сегодняшняя психология, исследуя душу, что-то, что кажется эфемерным и неточным, достигает большой определенности своих моделей и интерпретаций. В этом прогрессе велика заслуга когнитивного подхода» [6, с. 3].

Когнитивная психология в настоящее время представляет собой, несомненно, мейнстрим психологии. Как и любое массовое явление, она имеет плюсы и минусы. Компьютерная метафора, заняв центральное положение, мстит психологии человека. Если мысль – это то, что делает человека человеком, то элиминирование мысли приводит к парадоксу: неуклонный прогресс в быстроедействие машин делает все большее число задач подвластными машинному решению, но это не приближает нас к пониманию человеческого мышления. Не исключено, что, развивая машинную аналогию, мы удаляемся от человеческого. И не в последнюю очередь потому, что манкируем понятием «мысль» и не включаем его в характеристику человеческого мышления. Представляется, что в скором будущем мы станем свидетелями «возвращения» мысли в когнитивную психологию...

Ведь мысль – это то, что делает мышление направленным, селективным и продуктивным. Несомненное достижение Ж. Пиаже и его многочисленных последователей – рассмотрение ин-

теллекта и мышления как системы скоординированных операций. Перспектива представить интеллект в виде формальной системы оказалась заманчивой, но на второй план ушла важнейшая проблема соотношения мысли и слова.

Проблема вовсе не закрыта, как многие полагают. И вообще, психология, как представляется, недооценивает пока тот момент, что мышление человека принципиально не едино. И генезис мысли в этих случаях существенно различен. Остановимся на этом вопросе более подробно. Даже научное творчество в психологии, которое традиционно является объектом изучения в психологии, рассматривается поверхностно; психология не уделяет необходимого внимания анализу его интимных механизмов, в частности, соотношению мышления и знания. Научная психология в неоплатном долгу перед поэтическим творчеством.

Греческое слово *Poiesis*, как хорошо известно, многозначно. Оно означает и творчество, и творение, и созидание, и делание, и построение, и сочинение стихотворений. Немецкий философ Петер Козловски, анализируя различные типы философии, приходит к выводу, что можно говорить о поэтической философии: «Для тех типов философии, которые можно назвать поэтическими или “пойетическими”, в центре философского понимания действительности стоит *Poiesis*, созидание. Способы созидания в этом типе философии могут быть двоякими: рождение и изготовление, *generatio* и *factio*. Стихотворчество, или поэзия в “пойетической” философии есть высшая форма поийесис» [7, с. 37]. «От “пойетической” философии следует отличать философию, сочиняющую фикции (*dichtende oder fiktionale Philosophie*). В ней момент поийесис в конституции действительности уступает по своему значению моменту фиктивного и работе идеи. Прототипом этого рода философии может служить система Гегеля. Для Гегеля не созидание, а логическая работа понятия, диалектическое самоопределение и самовырабатывание идеи вообще в определенную идею становится принципом действительности. Платой за вытеснение поийесис, принципа рождения, творчества, делания и поэзии становится сочинение философской системы, измышляющий некий великий эпос работы понятия. Сочиняющая философия Гегеля вытесняет из философии поийесис и поэзию ради логики и работы понятия и в то же время измышляет великий диалектический эпос, в котором теогония и космогония, история абсолюта и мировая история, история человека и природы

сливаются в логический эпос отчуждения идеи в природу и снятия их обеих в определенном понятии. Парадоксальным образом вытеснение из философии пойнсис и поэзии приводит к тому, что философия становится сочинительством, созданием фикций [7, с. 37]. Петер Козловски делает чрезвычайно важное замечание: «Поэтична не только та философия, которая ставит пойнсис в центр своего миропонимания, но и та, которая пытается объединить средства поэзии, эпоса и романа и дневника со средствами философского анализа эпохи и теории» [7, с. 37–38].

Вряд ли стоит пояснять, что генезис и механизмы мысли в этих случаях существенно различны. Когда-то один из создателей психологии – науки о Душе – области человеческого знания «о возвышенном и удивительном» (Аристотель) Зигмунд Фрейд проницательно заметил: «Поэты всегда все знали». Это высказывание можно интерпретировать по-разному. Нам кажется, что наука – лишь одна из присущих человечеству форм знания. Искусство – другая форма. Поэтому иногда интуитивные постижения поэтов обосновываются научно спустя многие десятилетия.

Вероятно, по-разному будут представлены механизмы мысли в процессах творчества разного уровня. Поясним это. На наш взгляд, принципиально важным моментом при изучении психологии творчества, при его моделировании и особенно при проектировании обучающих программ является указание на то, что центральным звеном в творческом процессе является преодоление заблуждения, неадекватного исходного знания (часто неявного), то есть в той или иной форме корректировка структур субъективного опыта [15–17]. Это утверждение нуждается в дополнительном пояснении.

Считается, что адекватной моделью творчества является решение задач-головоломок, так называемых «малых творческих задач», задач на соображение. Психологические исследования показывают, что наиболее существенная трудность в творческом мыслительном процессе заключается не в нахождении правильной гипотезы, идеи решения, как часто полагают, а именно в преодолении заблуждения, зафиксированного в исходном неявном знании, в структурах субъективного опыта. Поскольку самой существенной трудностью в творческом процессе является преодоление заблуждения, корректировка структур субъективного опыта, то при обучении творчеству акцент должен быть сделан именно на этом. При проектировании обучающих программ по-

лезно учесть, что возможно построение типологии трудностей проблем в творческом процессе, связанной со структурами субъективного опыта, которые по своему происхождению могут быть индивидуальными (то есть сформированными в результате опыта взаимодействия индивида с окружающим миром) и «коллективными» (сформированными в результате усвоения общественного опыта).

Представляется целесообразным выделение следующих типов трудностей в творческом процессе. Наиболее простыми (первый тип) окажутся трудности, связанные с актуализацией нерелевантных ситуации структур субъективного опыта. Проблема в этом случае с легкостью может быть разрешена, когда субъект актуализирует структуры опыта, соответствующие ситуации. Многие задачи-головоломки представляют для решающего именно такую трудность.

Второй тип трудностей: неадекватны (содержат элемент заблуждения) актуализируемые субъектом структуры опыта, но на другом уровне структур субъективного опыта решающий задачу располагает адекватным знанием и, таким образом, корректировка структур опыта, преодоление заблуждения и, как следствие, решение проблемы достигается за счет происходящего по ходу мыслительного процесса взаимодействия структур субъективного опыта разного уровня.

Третий тип трудностей можно наблюдать в тех случаях, когда адекватными структурами субъект не располагает вовсе, поэтому корректировка структур опыта может произойти лишь в результате продуктивного мыслительного процесса (творческое мышление в точном смысле этого слова).

И, наконец, четвертый тип: адекватных структур опыта не существует вообще (ни для субъекта, решающего задачу, ни для социума), поэтому происходящая в продуктивном процессе корректировка структур опыта приводит к преодолению заблуждения и формированию нового знания как для субъекта, так и для общества (так называемое «большое творчество»). Здесь становится понятно, что этот процесс порой может занимать годы, уходящие не на бесплодные поиски идеи, а на преодоление тех представлений, которые делают невозможным формулировку нужной мысли.

В заключение согласимся с выводом В. П. Зинченко, о котором говорилось в начале статьи: мысль по-прежнему тайна. Привлечение В. Д. Шадриковым внимания к проблеме мысли, существенное продвижение в понимании меха-

низмов и порождения мысли, достигнутое в его работах, внушают оптимизм в отношении исследования данной проблемы.

Библиографический список

1. Аристотель. Сочинения [Текст] / Аристотель. – М. : Мысль, 1975. – Том 1.
2. Выготский, Л. С. Мышление и речь [Текст] / Л. С. Выготский. – М. : ГСЭИ ; Ленинград, 1934.
3. Дринов, М. Вместо предисловия [Текст] / М. Дринов // Потебня А. А. Мысль и язык. – Харьков : Типография Адольфа Дарре, 1892. – С. V–VI.
4. Желеско, П. С. Исследование отрицания в практической и познавательной деятельности [Текст] / П. С. Желеско, М. С. Роговин; отв. ред. В. А. Лекторский. – Кишинев: Штиинца, 1985. – 135 с.
5. Зинченко, В. П. Сознание и творческий акт [Текст] / В. П. Зинченко. – М. : Языки славянских культур, 2010. – 592 с.
6. Когнитивная психология [Текст] : учебник для студентов вузов / под ред. В. Н. Дружинина, Д. В. Ушакова. – М. : Пер СЭ, 2002.
7. Козловский, П. Философские эпопеи. Об универсальных синтезах метафизики, поэзии и мифологии в гегельянстве, гностицизме и романтизме [Текст] / П. Козловский // Вопросы философии. – № 4. – 2000. – С. 37–52.
8. Мазиллов, В. А. Поэтическое творчество, психология и философия [Текст] / В. А. Мазиллов // Язык и мышление : Психологические и лингвистические аспекты : материалы XIV-й Международной научной конференции (Ульяновск, 13–16 мая 2014 г.) / отв. ред. проф. А. В. Пузырев. – М. : ИП РАН, ИЯ РАН, ИРЯ РАН; Ульяновск: Ульяновский гос. ун-т, 2014. – 224 с. – С. 180–186.
9. Мазиллов, В. А. Проблема мышления в гештальтпсихологии [Текст] / В. А. Мазиллов // Познавательные процессы: теория, эксперимент, практика. – Ярославль : ЯрГУ, 1990. – С. 66–75.
10. Мазиллов, В. А. Целостность и интеграция в психологии (Некоторые методологические проблемы психологического исследования) [Текст] / В. А. Мазиллов // Вестник интегративной психологии: Журнал для психологов. – Выпуск 1 (3). – 2005(в). – С. 38–40.
11. Мазиллов, В. А. Становление метода психологии: страницы истории (метод интроспекции) [Текст] / В. А. Мазиллов // Методология и история психологии. – 2007. – Т. 2. – № 1. – С. 61–85.
12. Мазиллов, В. А. Методология психологической науки: проблемы и перспективы [Текст] / В. А. Мазиллов // Психология. Журнал Высшей школы экономики. – 2007. – Т. 4. – № 2. – С. 3–21.
13. Мазиллов, В. А. О предмете психологии [Текст] / В. А. Мазиллов // Методология и история психологии. – 2006. – Т. 1. – № 1. – С. 55–72.
14. Мазиллов, В. А. Научная психология: проблема объяснения / В. А. Мазиллов // Методология и история психологии. – 2008. – Т. 3. – № 1. – С. 58–73.
15. Мазиллов, В. А. Интегративные тенденции в психологии: гештальт-психология и проблема целостности [Текст] / В. А. Мазиллов // Человеческий фактор: Социальный психолог. – Вып. 1 (9). – 2005(а).
16. Мазиллов, В. А. Решение творческих мыслительных задач: соотношение знания и мышления [Текст] / В. А. Мазиллов // Психологические исследования интеллекта и творчества. – М. : ИП РАН, 2010 а. – С. 30–32.
17. Мазиллов, В. А. Проблема творческого мышления в гештальтпсихологии: эволюция подходов [Текст] / В. А. Мазиллов // Психология интеллекта и творчества: Традиции и инновации. – М. : ИП РАН, 2010. – С. 46–54.
18. Мюллер, М. Наука о мысли [Текст] / М. Мюллер ; пер. с англ., изд. 2-е. – М. : Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2012. – 496 с.
19. Станович, К. Рациональное мышление. Что не измеряют тесты способностей [Текст] / К. Станович. – М. : Карьера Пресс, 2012. – 352 с.
20. Овсяннико-Куликовский, Д. Н. Вопросы психологии творчества [Текст] / Д. Н. Овсяннико-Куликовский. – М. : Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2009. – 304 с.
21. Овсяннико-Куликовский, Д. Н. Психология мысли и чувства [Текст] / Д. Н. Овсяннико-Куликовский. – М. : Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2012. – 176 с.
22. Потебня, А. А. Мысль и язык [Текст] / А. А. Потебня. – Харьков : Типография Адольфа Дарре, 1892.
23. Роговин, М. С. Чувственный образ и мысль [Текст] / М. С. Роговин // Вопросы философии. – 1969. – № 9. – С. 44–55.
24. Шадриков, В. Д. Мысль как предмет психологического исследования [Текст] / В. Д. Шадриков // Психологический журнал. – 2014. – Том 35. – № 1. – С. 130–137.
25. Шадриков, В. Д. Мысль и ее порождение [Текст] / В. Д. Шадриков // Вопросы психологии. – 2014. – № 5. – С. 118–127.
26. Шадриков, В. Д. Мысль и познание [Текст] / В. Д. Шадриков. – М. : Логос, 2014. – 280 с.
27. Шадриков, В. Д. От индивида к индивидуальности: Введение в психологию [Текст] / В. Д. Шадриков. – М. : ИП РАН, 2009. – 598 с.
28. Шадриков, В. Д. Психология деятельности человека [Текст] / В. Д. Шадриков. – М. : ИП РАН, 2013. – 464 с.
29. Шадриков, В. Д. Диагностика познавательных способностей: Методики и тесты [Текст]; под редакцией В. Д. Шадрикова. – М. : Академический Проект; Альма Матер, 2009. – 533 с.
30. Sternberg, R. J. Wisdom, intelligence and creativity synthesized [Текст] / R. J. Sternberg. – Cambridge: Cambridge University Press, 2003.

31. Sternberg, R. J. The triarchic mind [Текст] / R. J. Sternberg. – N. Y.: Vicing, 1988.
 32. Sternberg, R. J. Successful intelligence [Текст] / R. J. Sternberg. – N. Y.: Plume, 1997.

Библиографический список

1. Aristotel'. Sochinenija [Текст] / Aristotel'. – M.: Mysl', 1975. – Tom 1.
2. Vygotskij, L. S. Myshlenie i rech' [Текст] / L. S. Vygotskij. – M.: GSJeI; Leningrad, 1934.
3. Drinov, M. Vmesto predislovija [Текст] / M. Drinov // Potebnja A. A. Mysl' i jazyk. – Har'kov: Tipografija Adol'fa Darre, 1892. – S. V–VI.
4. Zhelesko, P. S. Issledovanie otricanija v prakticheskoy i poznavatel'noj dejatel'nosti [Текст] / P. S. Zhelesko, M. S. Rogovin; otv. red. V. A. Lektorskij. – Kishinev: Shtiinca, 1985. – 135 s.
5. Zinchenko, V. P. Soznanie i tvorcheskij akt [Текст] / V. P. Zinchenko. – M.: Jazyki slavjanskih kul'tur, 2010. – 592 s.
6. Kognitivnaja psihologija [Текст]: uchebnik dlja studentov vuzov / pod red. V. N. Druzhinina, D. V. Ushakova. – M.: Per SJe, 2002.
7. Kozlovskij, P. Filosofskie jepopei. Ob universal'nyh sintezah metafiziki, poezii i mifologii v gegel'janstve, gnosticizme i romantizme [Текст] / P. Kozlovskij // Voprosy filosofii. – № 4. – 2000. – S. 37–52.
8. Mazilov, V. A. Pojeticheskoe tvorcestvo, psihologija i filosofija [Текст] / V. A. Mazilov // Jazyk i myshlenie: Psihologicheskie i lingvisticheskie aspekty: materialy XIV-j Mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii (Ul'janovsk, 13–16 maja 2014 g.) / otv. red. prof. A. V. Puzyrev. – M.: IP RAN, IJa RAN, IRJa RAN; Ul'janovsk: Ul'janovskij gos. un-t, 2014. – 224 s. – S. 180–186.
9. Mazilov, V. A. Problema myshlenija v geshtal'tpsihologii [Текст] / V. A. Mazilov // Poznavatel'nye processy: teorija, jeksperiment, praktika. – Jaroslavl': JarGU, 1990. – S. 66–75.
10. Mazilov, V. A. Celostnost' i integracija v psihologii (Nekotorye metodologicheskie problemy psihologicheskogo issledovanija) [Текст] / V. A. Mazilov // Vestnik integrativnoj psihologii: Zhurnal dlja psihologov. – Vypusk 1 (3). – 2005(v). – S. 38–40.
11. Mazilov, V. A. Stanovlenie metoda psihologii: stranicy istorii (metod introspekcii) [Текст] / V. A. Mazilov // Metodologija i istorija psihologii. – 2007. – T. 2. – № 1. – S. 61–85.
12. Mazilov, V. A. Metodologija psihologicheskoy nauki: problemy i perspektivy [Текст] / V. A. Mazilov // Psihologija. Zhurnal Vysshej shkoly jekonomiki. – 2007. – T. 4. – № 2. – S. 3–21.
13. Mazilov, V. A. O predmete psihologii [Текст] / V. A. Mazilov // Metodologija i istorija psihologii. – 2006. – T. 1. – № 1. – S. 55–72.
14. Mazilov, V. A. Nauchnaja psihologija: problema ob#jasnenija / V. A. Mazilov // Metodologija i istorija psihologii. – 2008. – T. 3. – № 1. – S. 58–73.
15. Mazilov, V. A. Integrativnye tendencii v psihologii: geshtal't-psihologija i problema celostnosti [Текст] / V. A. Mazilov // Chelovecheskij faktor: Social'nyj psiholog. – Vyp. 1 (9). – 2005(a).
16. Mazilov, V. A. Reshenie tvorcheskih myslitel'nyh zadach: sootnoshenie znanija i myshlenija [Текст] / V. A. Mazilov // Psihologicheskie issledovanija intellekta i tvorcestva. – M.: IP RAN, 2010 a. – S. 30–32.
17. Mazilov, V. A. Problema tvorcheskogo myshlenija v geshtal'tpsihologii: jevoljucija podhodov [Текст] / V. A. Mazilov // Psihologija intellekta i tvorcestva: Tradicii i innovacii. – M.: IP RAN, 2010. – S. 46–54.
18. Mjuller, M. Nauka o mysli [Текст] / M. Mjuller; per. s angl., izd. 2-e. – M.: Knizhnyj dom «LIBROKOM», 2012. – 496 s.
19. Stanovich, K. Racional'noe myshlenie. Chto ne izmerjajut testy sposobnostej [Текст] / K. Stanovich. – M.: Kar'era Press, 2012. – 352 s.
20. Ovsjaniko-Kulikovskij, D. N. Voprosy psihologii tvorcestva [Текст] / D. N. Ovsjaniko-Kulikovskij. – M.: Knizhnyj dom «LIBROKOM», 2009. – 304 s.
21. Ovsjaniko-Kulikovskij, D. N. Psihologija mysli i chuvstva [Текст] / D. N. Ovsjaniko-Kulikovskij. – M.: Knizhnyj dom «LIBROKOM», 2012. – 176 s.
22. Potebnja, A. A. Mysl' i jazyk [Текст] / A. A. Potebnja. – Har'kov: Tipografija Adol'fa Darre, 1892.
23. Rogovin, M. S. Chuvstvennyj obraz i mysli [Текст] / M. S. Rogovin // Voprosy filosofii. – 1969. – № 9. – S. 44–55.
24. Shadrikov, V. D. Mysl' kak predmet psihologicheskogo issledovanija [Текст] / V. D. Shadrikov // Psihologicheskij zhurnal. – 2014. – Tom 35. – № 1. – S. 130–137.
25. Shadrikov, V. D. Mysl' i ee porozhdenie [Текст] / V. D. Shadrikov // Voprosy psihologii. – 2014. – № 5. – S. 118–127.
26. Shadrikov, V. D. Mysl' i poznanie [Текст] / V. D. Shadrikov. – M.: Logos, 2014. – 280 s.
27. Shadrikov, V. D. Ot individa k individual'nosti: Vvedenie v psihologiju [Текст] / V. D. Shadrikov. – M.: IP RAN, 2009. – 598 s.
28. Shadrikov, V. D. Psihologija dejatel'nosti cheloveka [Текст] / V. D. Shadrikov. – M.: IP RAN, 2013. – 464 s.
29. Shadrikov, V. D. Diagnostika poznavatel'nyh sposobnostej: Metodiki i testy [Текст]; pod redakciej V. D. Shadrikova. – M.: Akademicheskij Proekt; Al'ma Mater, 2009. – 533 s.
30. Sternberg, R. J. Wisdom, intelligence and creativity synthesized [Текст] / R. J. Sternberg. – Cambridge: Cambridge University Press, 2003.
31. Sternberg, R. J. The triarchic mind [Текст] / R. J. Sternberg. – N. Y.: Vicing, 1988.
32. Sternberg, R. J. Successful intelligence [Текст] / R. J. Sternberg. – N. Y.: Plume, 1997.